

Емельян Марков

Емельян Александрович Марков (1972) – писатель. Автор книг «Волки купаются в Волге», «Третий ход», «Маска», романа «Мирон».

Прямая речь: «Название этого рассказа, и всей первой моей книги, я произнёс в три года. Меня везли в автомобиле на Верхнюю Волгу, где, в посёлке Ново-Мелково, я, больше летом, жил с младенчества.

Я в машине заснул. И вот на подъезде к песчаному повороту проснулся и произнёс: “Волки купаются в Волге!”. Эта странная фраза осталась в нашей семье.

Рассказ возник так же. То есть – вдруг. Я его не обдумывал, просто сел и сразу написал.

Обстоятельства этого рассказа связаны с обиходом местных жителей нашего волжского посёлка. Всё их существование было проникнуто близкой Волгой, её величавой статью и ликованием её неспешного и одновременно стремительного движения. Но при этом обитатели этих мест то и дело сходили в своих судьбах на беду. Некоторые из них отсидели за убийство, некоторые закончили свои дни безвременно, нелепо, случайно.

Эти люди бывали черствы, лукавы, жестоки, но одновременно – великодушны и даже нежны. В нашем посёлке люди любили друг друга, хоть иногда и люто. Любовь тут в одночасье могла обернутся преступлением, иногда страшным. А преступление могло быть мгновенно остановлено любовью.

Об этих соответствиях и несоответствиях рассказ».

ВОЛКИ КУПАЮТСЯ В ВОЛГЕ

Ветки отвесно, по-матерински, склонялись над домом. Ночь. Воздух после жаркого дня густой. Кто-то ходит по чердаку, горбыль скрипит от мягкой тяжёлой поступи. Этот кто-то много гуще воздуха, но сродни ему. Он опасен одним видом, не дай Бог увидеть. Бродит туда-сюда по чердаку, наверное, решает спуститься.

Кроме Алёши, белобрысого мальчика с бледным вострым лицом, все спят. Спит никогда на встающий, весь почерневший и одичавший от внутренней, глубоко скрытой в нем болезни дедушка; он иногда вскрикивает от боли, глухо и коротко, как с размаху хлопающая дверь, но сейчас он спит крепко и видит сны, о которых никому не рассказывает.

Раз дедушка вышел незамеченный на улицу. Алёша играл тогда в песок рядом с калиткой. Дедушка сел на лавочку и время строго наблюдал, как внук играет. Но вскоре дедушка сильно пропотел, от него крепко пахнуло бархатцами. Вместе с потом словно отошли последние силы. Дедушка запрокинул голову, издал странный призывный звук. Выбежала бабушка и увела дедушку. От калитки до крыльца он вздымал подбородок и норовил упасть назад. Походкой он напоминал возмущённого индюка, а не на человека, так ему было плохо.

Бабушка тоже спит. Бабушка изредка выпьет рюмку вместе со всеми, если торжество, – и столько в ней радости от одной маленькой рюмки, лицо её расцветает зорькой, маленькие голубые глаза матевеют, как картофельные цветочки в прохладе ботвы. Вдруг радость её превращается в суровость, и надо видеть, с каким суровым вдохновением она в огромном белом платке, завязанном крупно на затылке, и хворостиной в руке стремительно переваливается с ноги на ногу за коровой. Корова гулко мычит, оглашая чужие дворы и туманную опушку леса.

И бабушка, и по привычке дедушка спят на спине, так спят трудолюбые люди. Они как бы умирают на время, умирают с лёгкостью. А утром воскресают уже за работой.

Алёша насморочно сопит. Сегодня он увязался за ребятами, звеня, хохоча и замирая сердцем, поехал велосипеды мыть на Волгу. Старшие курили, мудро смотрели на воду, насмешливо – на Алёшу и другую стучащую зубами от долгого купания угодливую и восторженную мелкоту, плевались, играли в замасленные азартом карты.

Постепенно Алёша свыкается с шагами домового, сон властно подступает к горлу, смыкает глаза. Может, не сон, а домовой спустился и дышит в лицо? Вскрикнул дедушка. Нет, не дедушка, дверь хлопнула. Тенью вошла мать. Она задёргивает занавеску, – бабушки и дедушки не стало в комнате, – чиркает спичкой, разжигает керосиновую лампу, поправляет фитиль, чтобы не коптило и чтобы не тревожить сон ребёнка. На ней облегающее укороченное платье в крупный цветок, под подбородком небольшой холёный жирок, как у карточной дамы. Зеркальце на столе черно, отражает темноту. Мать склонилась к нему и вынимает серьги.

...Этот Гена из клуба, киномеханик в очках с толстыми стёклами, на что-то надеялся, приглаживал свои редкие серые кудряшки, пил мрачно и решительно, но не выдержал и прямо в очках упал под стол. Как не тормошила она его носком босоножки, он не очнулся. Зачем, спрашивается, звал? Зачем называл её Натали? Зачем улыбался стальной мутной коронкой в углу рта, обрывками фраз нахваливал её бедра и её глаза? То ли дело Лёшкин отец, вольные человек, чего только одни рыжие баки его стоят! Бывало, обхватишь обеими руками его загривок, повиснешь, так что пальцы сами собой слабеют, а он только лыбится, белобрысый черт. И не было ему никогда покоя, даже ночью: встанет и ходит, ходит, скрипит половицами, белая майка плавает в темноте. Где он теперь? Ищи-свищи.

Наталья впрямь решила свистнуть. Как научил Лёшкин отец. Заложила пальцы в рот, но вспомнила о сыне, – о родителях Наталья сейчас не думала, – вытерла губы тыльной стороной руки. Геннадия тоже, конечно, жалко, она бы и пожалела его, если бы он не свалился.

А то что же? Проходу мужику не дают, смеются. Зайдёт в магазин, смеются, выйдет из магазина, громче смеются, рыбачить пойдёт, и то рыбаки посмеиваются. А над чем тут смаяться? Слишком серьёзный, сосредоточенный, вот и смеются. Но как же не быть ему серьёзным? Ведь, если улыбнётся только, как ей сегодня, скукожит вечно небритые щеки, глянет лукаво, так ему морду бить начинают. И хоть не часто бьют, больше смеются, все равно сердце саднит, глядючи, как Гена капает кровью с лица и очки на земле ищет. Лишь в безлюдных местах, когда идёт он по дороге своей странной, словно на каждом шаге ступает с обрыва, походкой, он, не остерегаясь злого человека, улыбается сам с собой и с бессмысленной радостью смотрит на тусклый дорожный песок. Дурачок, конечно, но зато все фильмы наизусть знает.

В окно постучали, Наталья открыла створку. Под окном топтался, пускал табачный дым через плечо Сашка. Сегодня он пилил дрова бензопилой возле своего забора, а теперь стоял под чужим окном. Сашка опасный мужик, чёрный, синеглазый, с волосатыми руками. Он сидел за убийство.

Тебе чего? – спросила Наталья.

Идём купаться, – злобно сказал Сашка.

Ты чего, сдурел?

Идём, говорю. – Сашка усмехнулся, сверкнул глазами.

Да какое сейчас купание?

Нормально, – отвернулся Сашка, – идём. Сейчас, это, кувшинки цветут. Красота!

Ночью на реке прохладно, и комарье. У меня нежная кожа... – незаметно для себя вовлеклась в разговор Наталья.

Сашка хохотнул. От его смеха Наталья вздрогнула. Смех влёк к себе и в то же время был неприятен, словно Сашка чужой, из другого посёлка, из другого мира.

Ладно, уговорил, черт. Сейчас выйду.

Наталья набросила на плечи большой материн платок, прикрутила лампу, наклонилась к Алёше.

Волки купаются в Волге, – тревожно пробормотал сын, хотел сесть во сне, но мать удержала его.

Какие волки, ты что, сынок? – она припала на одно колено.

Алёша спал. Мать прижалась к нему, потом поправила одеяло, подошла к окну.

Эй ты, слышишь? Уходи отсюда!

Ты что, Наташка! Играть со мной вздумала? – люто прошептал Сашка.

Пошёл, говорят тебе!

Пошёл, говоришь? Д я ведь жизнь свою хотел тебе рассказать...

Знаю я твою жизнь.

Что ты знаешь? – медленно спросил Сашка.

Наталье показалось: не в окно она вглядывается, а в колодец. Сашка коротко осмотрелся по сторонам и сказал:

Ничего ты обо мне не знаешь. Ладно, Наташка. Раз гонишь меня, пойду с киномехаником дружбу сведу, а то что ж он один да один, а, должно быть, неплохой мужик. Тем более, только он в этот час не спит. Как не идёшь ночью мимо клуба, у него на чердаке свет горит. Выпьем с ним, за жизнь поговорим, я узнаю, что он за птица.

Он убогий, из него слова человеческого не вытянешь, – проговорила Наталья.

Зачем ты о нем так? Мужик как мужик. Где вам, бабам, нас, мужиков, понять, у нас совсем другой разговор.

Наталья зажгла спичку, чтобы видеть лицо Сашки.

Ладно, – сказала она**,** – подожди, не уходи.

Вскрикнул дедушка. Нет, это не дедушка. Это дверь хлопнула. Полил дождь, и лил он до утра, но мать не вернулась. Она пришла после, ближе к вечеру следующего дня, когда прогоняли коров. Она шла в гуще стада, пыль клубилась в лучах низкого закатного солнца. Мать шла босиком и размахивала босоножками в руке. Платок упал с плеч и обвис на сгибах рук. Отсвет яркого заката утяжелял её лицо, губы её спокойно улыбались, крашеные хной жёсткие волосы были как всегда взлохмачены, глаза пылали красотой. Возле своей калитки она отделилась от стада.

1999

© Е.А. Марков.

Фото предоставлено Е.А. Марковым.